

КУЛЬТУРНОЕ «ПОЮ ДЛЯ СВОЕГО КАЙФА»

М. Гулегина: «Романы ради карьеры? Табу!»

Даже завистники признают, что у Марии ГУЛЕГИНОЙ редчайший голос - драматическое сопрано и она поет партии, которые мало кому под силу.

27 декабря в Международном доме музыки Мария ГУЛЕГИНА представит уникальную обширную программу «Страсти по веризму», где исполнит произведения Пуччини, Каталани, Масканьи, Джордано...

«Отстрелу не подлежу»

- В МИРОВОМ балете за последние годы произошел гигантский прорыв. А в опере возможны какие-то изменения? Или люди как пели 50 лет назад, так и будут петь дальше?

- Ох, интересный вопрос... Я 50 лет назад не жила, а по пластинкам нельзя судить о харизме певца. Так же, как и по записям сегодняшних дней нельзя судить о способностях артиста. Слушаешь диск, записанный в студии, и думаешь: «О! Новый Карузо! О! Вторая Тебальди!» Приходишь в театр и (прикладывает руку к уху): «Что-что? Простите, не слышно».

Я записывала романсы Рахманинова в студии. 16 - за 6 часов. Все в шоке: «Как это так?! Обычно певцы два романса за это время осиливают!» Сейчас можно не писать имя исполнителя - это не имеет никакого значения. Главное - написать имя техника-звукорежиссера, который звуки вытягивает. Уже даже

из кошачьих «мяу» делают диски!

- То есть в оперу так легко пролезть бездарности?

- Да, потому что все строится на личных завязках. Но это не для меня.

- Все говорят о вашем тяжелом характере...

- Не думаю, что у меня плохой характер. Во всяком случае, когда я недовольна чем-то, это сразу же видно. Гораздо хуже, когда человек тебе улыбается, а повернешься к нему спиной - и он нож воткнет. А я если не люблю, то не люблю, засохни. Если люблю, так со всей силы. Задую! До дыр зацелую! (Смеется.) Я и пою от сердца. Это раньше на сцену выходили толстые тетеньки, руки на сиськах складывали и выдавали академические звуки. И мало кого в зале их пение трогало.

- Это правда, что вы отказались петь Турандот - побоялись потерять голос?

- В принципе я ни от чего не потеряю голос. Просто петь в этой опере - значит создавать себе плохой имидж. Если начну орать Турандот, то уже никогда не буду петь «Травиату».

Сейчас оперой правит идиотский маркетинг. Всех разделили: ах, ты две ноты умеешь петь, значит, будешь петь Джильду.

А ты - Аминю. Все забыли, что бывают драматические сопрано, которые могут исполнить почти все.

Мой хлеб - «Кровавые партии», «Леди Макбет», «Набукко»... Их никто, кроме драмсопрано, петь не умеет. Драматическое сопрано - вообще редкий зверь, не подлежит отстрелу. Иногда мне интересно спеть лирическую партию - это такая «фишка». Но там негде выложиться. Нет риска, нет головок, экстрима. Когда легкое сопрано поет лирические партии, кажется: пищит уже на последнем издохе. Я всегда думала: ох, Джильда, как они исполняют ее? А спела эту арию... Что там петь-то? Детский лепет на лужайке.

Маэстро Мути (Риккардо Мути - всемирно известный дирижер. - О. Ш.) сказал мне: «Гулегина! (Они мою фамилию произносят с ударением на предпоследний слог.) Ты - «Феррари»! «Феррари» даже в гараже - все равно «Феррари»».

- Маша Гулегина в родной Одессе жила в рабочем квартале Черемушки. А сегодня она - САМАЯ высокооплачиваемая певица на оперном олимпе. Воистину современная Золушка!

- Если бы меня кто-то взял и поставил на этот олимп, это было бы правдой. Но я шла своим путем и работала, как муравьишка. Вы ни-

когда не ходили в горы? Я ходила. Для того чтобы подняться на вершину, нельзя задирать голову. Нужно смотреть себе под ноги и спокойно идти, думать о чем-то хорошем, напевать. Вниз можно посмотреть, когда ты уже на самом вершине. И ощутить кайф... И то нельзя близко к краю подходить - голова закружится. Так и в карьере.

«Ночь секса перед спектаклем - это много»

- ВЫ СИЛЬНО переживаете, когда вас не приняли в Большой театр?

- Там была совсем другая история. Несколько лет назад я должна была петь в Большом. Тогда дирижером театра был господин Лазарев, который нагло себя повел, начал меня спрашивать про какие-то рекомендательные письма, как в бухгалтерии. Я сказала: «Мое участие в спектакле было нужно вам, а не мне». И все. Просто шваркнула дверью и ушла.

- Сейчас в ГАБТе другие власти, не зовут петь?

- У них денег нет. Хотя для меня гонорары не так важны. Я пою для собственного кайфа. Если мне будет интересно, соглашусь петь и бесплатно. Благодарительные концерты - святое дело, всегда в них участвую.

- Существуют легенды, что оперные певцы пьют яйца, чтобы лучше петь, что за месяц до спектакля нельзя сексом заниматься...

- Я слышала по ТВ интервью нашей секс-звезды (не хочу сказать - оперной звезды) Нетребко: «Ой, перед зальцбургской премьерой я всю ночь занималась сексом с моим другом». Я подумала: «Господи! 20 лет пою и ни разу не привлекала к себе внимание таким образом». А целая ночь секса перед спектаклем - это много. Хватит и полночи (смеется). Пить яйца? Не знаю зачем. Может быть, не нужно есть горькое, соленое перед концертами. (Надолго замолкает.) Но самое лучшее - когда выходишь на сцену и знаешь, что в зале сидит Он и смотрит на тебя...

- Только слепой не заметил бы, что вы сейчас влюблены. А в какой стране живет мужчина вашей мечты?

- (Загадочно улыбается.) Не скажу. Но это не Россия. Он у меня Отелло страшный. Мне сейчас нужно идти и объясняться, почему я отключила телефон. Но больше я ничего вам не скажу и так уже проболталась!

- Это правда, что творческие люди - рассеянные?

- Я недавно в Берлине в отеле забыла свои часы «Шопард» с бриллиантами. (Поет.) «По утрам, надев трусы, не забудьте про часы!» (Хохочет.)

- Вы вроде мировая знаменитость, но за время нашего разговора ни разу не жеманничали, не строили из себя примамонну...

- А зачем? Я одесская девчонка. Была ею, есть и буду.

Ольга ШАБЛИНСКАЯ

Фото из личного архива М. Гулегиной